

Кондратьев В.

1986, III

ВОСКРЕСЕНЬЕ,
16 МАРТА 1986 ГОДА

МОСКОВСКАЯ ПРАВДА, 1986.

встреча

КАК БЫ СУРОВА ПРАВДА НИ БЫЛА

Наш собеседник — писатель Вячеслав КОНДРАТЬЕВ

Первая же опубликованная повесть «Сашка» сделала его широко известным. Автору ее, Вячеславу Кондратьеву, было тогда уже за пятьдесят, а рассказывал он о тяжелых боях, фронтовых армейских буднях. Подтверждением тому, что родился писатель настоящий, со своей темой, своим словом, стали повести и рассказы, написанные и опубликованные в последующие годы.

Первый бой Кондратьева был подо Ржевом. Он — в центре повести «Селижаровский тракт», где все описано «один к одному»...

Солдат гордится не только одержанной победой, но и тяготами, которые перевозмог, перенесенными на войне лишениями. Такова сквозная мысль многих произведений писателя-фронтовика Кондратьева. Так считают его герои.

Среди писем, которые он получает, немало от тех, кто служит сегодня в армии. Многие письма ему очень дороги.

— Как же иначе, — говорит Вячеслав Леонидович, — если, например, молодой солдат мне пишет: ваши повести, они не только о поколении фронтовиков, но и о нас, молодых.

Помню, как на одной читательской конференции выступил молодой парень. Он тогда сказал: мне двадцать, но я уже воевал — участвовал в боях в Афганистане. До службы в армии прочитал «Сашку». И когда меня призвали, внутренне был готов к трудной армейской работе, в чем мне помогла ваша повесть. Потом видел, сколь непросто было сверстникам, тем, кто собрался на действительную, как на прогулку. Ясно: такие иллюзии только во вред.

Почему я вспомнил об этом

выступлении? Потому что оно подтверждает важную истину: проза о войне должна быть правдива во всем, как бы сурова эта правда ни была.

Мне очень дорого то, что те, кто испытал на себе войну, не находят в моей прозе приукрашивания, а проще говоря, вранья. Не удалось мне, увы, разыскать однополчан из нашей стрелковой бригады, но нашлись люди, воевавшие рядом, под теми же деревьями, и их слова одобрения вдвойне важны — они были там же, видели то же...

— Уж раз пошел разговор об этом, то нужно, наверное, коснуться вообще темы читательского доверия к литературе?

— Чего греха таить, поддается иногда писатель чересчур осторожному редакторскому карандашу или, испугавшись его заранее, занимается «внутренней саморедактурой», а это сразу замечает искушенный читатель и перестает верить и автору, и его произведению. А без абсолютного читательского доверия литература не может существовать, так как гражданская действительность ее становится равной нулю. Думаю, в литературе выдавание желаемого за уже совершенное, умолчание и даже малая толика неправды может иметь последствия не менее губительные, чем приписки, показуха в экономике.

Воспитывать человека можно только безусловной прав-

дой. Наша страна прошла тяжелый и сложный путь, на нем было всякое. И представлять его безоблачным и радужным значило бы не только исказить историческую правду, но и умалять подвиг, совершенный народом в преодолении трудностей, сложностей, ошибок, неизбежных при движении по неизведанной и нетронутой дороге к новому обществу. А война была самым тяжелым и самым трагическим периодом в жизни нашего общества.

— О войне написано не все... Утверждение это не подвергается сомнению. Тем более интересно знать ваше мнение о том, что еще предстоит сделать здесь нашей литературе.

— Хочу сослаться на мнение известного нашего мастера Виктора Астафьева, который в своей недавней статье говорит, что еще не до конца осмыслена нами трагедия немецкого народа, свергнутого в военную авантюру оголтелым фюрером. Мало в нашей военной прозе отражен быт войны, справедливо отметил Астафьев. Это чувствуют и другие писатели, как бы стремясь «восполнить пробел». О быте войны много в недавней повести Григория Бакланова «Навеки — девятнадцатилетние». Уверен, что и Виктор Петрович Астафьев в своем обещанном военном романе расскажет о быте еще больше, еще подробнее, он-то воевал рядовым, а все тяготы

невпроворотного фронтового быта лежали на солдате.

Война, которую мы выдюжили, — не только смерть и жестокость. В ту пору необыкновенно обострилось самосознание народа, чувство ответственности. Ощущение незаемности в общем строю. Мы отнюдь не были «винтиками» военной машины. Мы верили, что судьба России в наших руках. Прекрасно выразил это чувство поэт Юрий Белаш в стихотворении «Ода окопнику»: «Один и есть богач он подлинный, поскольку в вещмешке своем не только ложку с котелком — хранит он будущее Родины».

— Не обойтись и без вопроса о том, что сейчас лежит на вашем рабочем столе. Снова повесть о войне или послевоенном времени?

— О послевоенных сороковых годах. Но на этот раз не повесть, а роман. Взяться за него, поскольку захотелось сделать многоплановую вещь об этом сложном времени...

— Вячеслав Леонидович, очевидно, в вашей почте есть и рукописи тех, кто воевал, кто пробует писать прозу, воспоминания. Что обращает на себя внимание в них? И вообще интересно знать о вашем отношении к солдатским мемуарам.

— В свое время была традиция в «Новом мире» регулярно публиковать записки немало повидавших в жизни людей. Она и сейчас жива, другое дело,

что публикации такие достаточно редки. Думаю, сегодня особенно важно бережно относиться к бесценным свидетельствам времени, особенно к солдатским мемуарам, письмам, ведь время идет, старые раны все чаще дают о себе знать... Вот почему необходимо поистине государственное решение вопроса: нужен центр, где собирались бы и хранились такие документы.

В почте немало рукописей, рассказов, повестей, романов. И вот здесь авторов, как правило, постигают неудачи: кажущаяся легкость, с которой якобы пишется проза, ведет очевидцев событий по неверному пути — она получается слабой, подражательной. Пишут беллетристику, но не получают, журналы отказывают, а потому авторы сердятся, изводят себя. Один мой корреспондент признался: пишу для себя, а еще для внуков, чтобы знали о том, что пришлось их деду видеть и испытать. Такой взгляд мне представляется самым разумным...

Как-то Константин Колесов, автор теперь уже отмеченной и читателями, и критикой «Самоходки номер 120», а в ту пору никому не известный автор, прислал мне рассказ. Мы знаем болезнь нашей прозы публикуемой, а тем более непубликуемой — многословие. Потому, приготовившись за письменным столом к чтению, как всегда,

вооружился карандашом, собираясь вычеркивать лишнее. А карандаш так и повис — настолько емко, сжато было написано. Так и «Самоходка» — очень сжатая, мускулистая повесть. А это особо важно, потому что погоня за листажом, увлечение описательством становятся, на мой взгляд, серьезной бедой современной литературы.

Нельзя не сказать и о работе Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо». О книге написано немало добрых слов, во многих театрах она инсценирована, сделан и документальный фильм, отмеченный ныне Государственной премией СССР. Сколь же нелегкую задачу поставила себе и выполнила молодая журналистка! В связи с этим можно высказать пожелание молодым литераторам: надо идти по пути симоновских «Солдатских мемуаров», которому следует Алексиевич. Придет время, и ветераны уже ничего не смогут рассказать, как и погибшие их товарищи. Вот где источник материала для молодых!

— Узы фронтового братства связывают многих писателей, кому довелось воевать. Видимо, это чувство испытал и Симонов, увидев в вас не просто писателя, а человека, который сам воевал, сам все видел и испытал...

— Считаю, мне очень повезло. Действительно, дорогого

стоила поддержка Константина Михайловича Симонова, написавшего предисловие к «Сашке», повлиявшее на издательскую судьбу повести. Спросив что-нибудь интересное о войне, взял в «Дружбе народов» мою рукопись Григорий Бакланов. Прочел и пригласил побеседовать. Это было тогда очень важно для меня, потому что баклановская повесть «Пядь земли» в значительной степени была для меня образцом...

Перепишемся с Быковым, Граниным, Адамовичем, отключаясь на новые вещи друг друга. И, мне кажется, в нашем взаимном интересе определяющим является родство судеб.

— Поскольку наша беседа и о поколении, опаленном войной, то вопрос такой: какие самые главные слова хотелось бы сказать от его имени сегодняшним молодым?

— Сейчас у нас время больших надежд. Мы все поняли, что жить прежними представлениями нельзя, что перестройка экономики невозможна без перестройки сознания, что надо больше думать, быть более смелыми, более активными. Помните, я сказал, что на войне наше поколение не считало себя «винтиками». Наоборот, у нас было ощущение, что все зависит только от нас, от каждого из нас, что в наших руках судьба России. Вот такого же ощущения ответственности за все, что происходит в стране, я и желаю нашей молодежи, чтобы, перефразируя стихи Белаша, — в «вещмешке» сегодняшнего молодого человека хранились не побрякушки современного быта, но будущее Родины...

Беседу вел Н. ГОРБАЧЕВ.